

ТАМ, ВДАЛИ ЗА ДОНЦОМ...

Б.И.ОСЫКОВ

Два десятилетия назад белгородцы собирались установить памятник... песне «Там, вдали за рекой». Дело в том, что молодые годы автора песни Николая Кооля прошли в Белгороде. В 1989 году в городе провели уже и конкурс на лучший проект. Было подобрано замечательное место — на склоне Харьковской горы, с которого открывается широкая панорама долины Северского Донца... Пришли иные времена. Но тем не менее, о песне не забыли. Изготовили памятную мраморную доску и установили ее на одном из немногих сохранившихся в Белгороде старинных зданий. Произошло это в августе 1999 года, в ознаменование 75-летия со времени создания песни.

Мне довелось хорошо знать Николая Мартыновича Кооля, записывать его воспоминания... Родился Кооль в 1902 году в новгородском селе Волок, отец его был выходцем из малоземельной Эстонии — таких переселенцев в тех краях было много. В 1918 году нагрянул голод. Отец собрал Николая — старшего сына, в неблизкую дорогу — в Белгород, где выходец из Волока, Василий Иванович, держал пекарню. Щуплый подросток сумел по «железке» с толпами мешочников добраться до места. На базаре перед Преображенским собором у одной из торговых, бережно зашитую в подкладку, николаевскую ассигнацию выменял на хлеб и тут же, у церковной ограды, жадно его съел. Потом отправился в пригород — Болховец, где нашел-таки земляка Василия Ивановича, и тот принял юного земляка к себе в подмастерья.

Василий Иванович пек булки и бублики, а Колька таскал их в большом плетеном коробе через весь город на железнодорожный вокзал — там торговля

Н.М.Кооль. Январь 1924 г.

шла бойко и прибыльно. Казалось, жизнь налаживается. Но у Василия Ивановича была распространенная на Руси слабость. В хмельном угаре он просадил в карты не только деньги, но и пекарню. Остался Колька без крыши над головой. Скитался по селам, а ближе к зиме возвратился в Белгород, занятый теперь войском генерала Деникина. Снова нашел место в пекарне — но теперь уже на условиях почти рабского труда — за хлеб и за угол в угарном подвале.

Когда к Белгороду с боями подошли красные, пекарь Рюмшин, собрав ценные вещи, поспешил с белыми на юг. А рабочие из оставшейся муки, принялись печь хлеб. На аппетитный запах в рюминский подвал потянулись красноармейцы. Коля выхватывал из раскаленной печи одну дымящуюся буханку за другой. И вдруг услышал такое, отчего хлеб пристал к его рукам — бойцы в длиннополых шинелях говорили

между собой на эстонском языке. Прижимая буханки к груди, Коля подбежал к ним, приветствуя их тоже по-эстонски. Те обрадовались, стали расспрашивать, — а потом забрали парня с собой — в Эстонский кавдивизион.

В настоящие атаки Николая не пукали — берегли, но снарядили по полной красноармейской форме. И все же как-то на меловом бугре его отыскала шальная пуля...

Снова Белгород. Госпиталь. Армия ушла далеко — не догнать. Еще одна пекарня, все тот же ночной изнурительный труд.

И все же Николай начал пописывать стихи — молодость требовала свое. Как-то в «Белгородской правде» бросилась ему в глаза фамилия редактора — Янсон. Фамилия вроде прибалтийская...

В воскресный день Николай отважился явиться к Янсону прямо на квартиру. Тот его принял, перелистал заветную тетрадку стихов. Вирши были слабые, а паренек Янсону понравился. И Владимир Фрицевич вручил ему записку со словами: «К хозяину больше не возвращайся. Записку отдашь заведующему совпартшколой. Он устроит тебя в общежитие, будешь получать паек». ...От тех времен сохранилось у Кооля несколько фотографий.

Пришло время, и товарищи проводили Николая на дальнейшую учебу в Курск. А для стихов подарили «конторскую книгу» — другой бумаги не было. «Тот самый» день, в конце марта 1924 года, хорошо ему запомнился. Поручили ему наколоть дров для печки: радость-то какая истопить ее от души... И под удары топора рождаются строчки:

*В селе мужики зажигают огни,
В небе ясном зоря догорела.
Сотня юных бойцов из буденновских
войск
На разведку в поля полетела...*

Вспоминался Белгородский вокзал, Донец, колокольня за рекой... Бегло записал строки в конторскую книгу.

Каждая охапка поленьев «приносила» новые строки:

*Он упал на росу возле ног у коня,
Жизнь отдал трудовому народу.
— Ты, конек вороной, передай
дорогой,
Что я славно погиб за свободу...*

Запись песни оказалась на дне деревянного походного сундучка, с которым, в том же двадцать четвертом Николай прибыл в Москву «для прохождения воинской службы». В Москве он впервые и спел на свою мелодию друзьям по взводу. Песня понравилась, демобилизованные красноармейцы понесли ее по городам и весям, о чем сам автор и не догадывался.

Через несколько лет Николай Кооль неожиданно встретился со своим детищем в дальнем сибирском городке. Потом были фронты Великой Отечественной, тяжелое ранение... После Победы Николай Мартынович не раз встречал народную песню «Там, вдали за рекой...» в песенниках и сборниках. Скупые комментарии указывали лишь предположительное место и время ее написания. И вот Николай Мартынович обратился в Управление охраны авторских прав, предъявил в качестве главного доказательства чудом сохранившуюся «конторскую книгу» — ту самую, подаренную друзьями-белгородцами... В 1950 году было подтверждено авторство Н.М.Кооля.

Николай Кооль не был «автором» одного произведения. Есть среди его работ и уникальная — первый перевод на русский язык эстонского эпоса «Калевипоэг». Он выполнил его в окопах Великой Отечественной...